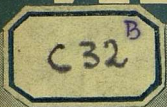

КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ №22.

НА ЛЬДИНЕ

И. М.
1928

ИЗДАНИЕ
Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА 1928 г.

Apr. 1968

1

КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ № 22

А. СЕРАФИМОВИЧ

С 32

НА ЛЬДИНЕ

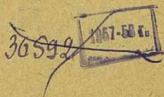
РИСУНКИ А. КОМАРОВА

2-е ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА

МОСКВА — 1928

МОСКВА,
Пречистенский бульвар, 7.
Телефон 3-83-04.

672990 Кх-рор

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № 85833

Тираж — 40000 — 2 л.

Заказ № 38

Гос. Тип. им. Евг. Соколовой. Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.

На льдине

I

Мохнатые сизые тучи, словно разбитая стая испуганных птиц, низко несутся над морем. Пронзительный резкий ветер с океана то сбивает их в темную сплошную массу, то, словно играя, разрывает и мечет, громоздя в причудливые очертания.

Побелело море, зашумело непогодой. Тяжко встают свинцовые воды и, клубясь клокочущей пеной, с глухим рокотом катятся в мглистую даль. Ветер злобно роется по их косматой поверхности, далеко разнося соленые брызги. А вдоль берега колоссальным хребтом поднимаются белые зубчатые груды нагроможденного на отмелях льду. — Точно титаны в тяжелой схватке накидали эти гигантские обломки.

Обрываясь крутыми уступами с прибрежных высот, к самому морю хмуро надвинулся дремучий лес. Ветер гудит между красными стволами вековых сосен, кренит стройные ели, качая их острыми верхушками и осыпая пушистый снег с печально поникших зеленых ветвей. Сдержанная угроза угрюмо слышится в этом ровном глухом шуме, и мертвой тоской веет от дикого безлюдья. Бесследно проходят седые века над молчаливой страной, дремучий лес стоит и спокойно, сумрачно, точно в глубокой думе, качает темными вершинами. Еще ни один его могучий ствол не упал под дерзким топором алчного лесопромышленника: топи да непроходимые болота залегли в его темной чаще. А там, где столетние сосны перешли в мелкий кустарник, мертвым простором потянулась безжизненная тундра и потерялась бесконечной границей в холодной мгле низко нависшего тумана.

На сотни верст ни дымка, ни юрты, ни человеческого следа. Только ветер крутит столбом порошу да мертвая мгла низко-низко ползет над снеговой пусты-

ней. Раз в году заходит и сюда беспокойный человек, нарушая угрюмое безлюдье дикого побережья. Каждый раз как ударит лютый мороз и проложит крепкие дороги через топи и тундры, а на море в мгlistой дали обрисуются беспорядочные очертания полярных льдов, грозно надвигающихся с океана, — с далеких берегов Мезени и из прибрежных селений, через тундры и перелески старого леса, скрипя железными полозьями по насквозь промерзшему снегу, тянутся оригинальные обозы: низкие ветвисторogie северные олени, запряженные в длинные черные лодки на полозьях, гуськом идут друг за другом, осторожно ступая по крепкому насту, а рядом тяжелой, увалистой походкой широко шагают косматые белые фигуры.

И с угрюмой досадой видит старый лес, как раскидываются станом на несколько верст по его опушке незванные гости.

II

Стоит «Сорока» на торосе, в руках длинный багор держит и пристально смотрит в холодную даль. А там, почти на самой черте горизонта, сквозь мгlistую

изморозь, смутно выделяются и растут неправильными очертаниями белые груды. Сорока застыл в напряженном ожидании. Все приметы к тому, что быть промыслу: птица кричит, с моря низко по ветру летит, и ветер глубник встал. Мгла ползет над самой землей, за верхушки сосен цепляет; бор зашумел. Да, должен промысел попасть. И зорко всматривается он в холодную даль, старается разглядеть, нет ли добычи; над самым морем ходят туманы — не различает глаз.

День погасал. Ветер гудел в сосновом бору и в вихре крутил порошистый снег. Отовсюду ползли безжизненные, серые зимние сумерки, заволакивая пустынный берег. Там и сям из-за массивных ледяных глыб виднелись косматые белые фигуры с длинными баграми в руках, напряженно всматривавшиеся в мгlistую даль. Море глухо шумело. Вдали безобразною белою грудой смутно надвигалась громада льдов.

Глянул Сорока по берегу, смотрит — за соседним обломком льда «Ворона» стоит с багром, туда же глядит. Посмотрел на него Сорока, и темно стало у него на

Стоит Сорока на торосе, в руках длинный багор держит

душе. Здоровый мужик Ворона, совик¹⁾ на нем олений добрый, бафилы новые: стоит себе, на багор слегка оперся, глядит на море, видно, не тужит: попадет промысел, Ворона новую шхуну²⁾ пустит, еще пуще торговать начнет; не попадет — горевать не будет.

Да и сам Ворона надрывать себя на промыслах очень не станет: для него набьют зверя покрутчики. И Сорока пошел от него покрутчиком, и за то, что Ворона снабдил его теплой одеждой, должен отдать ему половину добычи.

Ветер зашумел, разорвал туман и колеблющейся пеленой отнес безжизненную мглу к самому краю. Глянул Сорока, встрепенулся. Позабыл и Ворону, и олений совик его новый, и свою досаду на него, и то, что он должен отдать ему половину добычи, — позабыл все Сорока и впился зоркими глазами в посветлевшую даль.

А там, насколько хватал глаз, тянулась, надвигаясь к берегу, изрытая, изборужденная ледяная равнина, уходя в хо-

¹⁾ Совик — верхняя меховая одежда, крытая мехом же

²⁾ Шхуна — небольшое, легкое парусное судно

лодную, серую дымчатую даль. Громадные синеватые глыбы, стоямя торчавшие над мелким льдом, медленно поднимались и с треском рушились, выжатые снизу напором прибывающей воды. Тяжело надвигались ледяные поля, и грохот и гул шел с ними, непохожий на морской прибой, точно смутно докатывались глухие раскаты урагана.

Видит Сорока, едва глаз улавливает, черными точками реют птицы. Загорелись у него глаза: «есть!» Собрал в кольца ременную веревку, попробовал багор, взял палку кривую, приготовился, ждет, пока льды подойдут к самому берегу.

Огляделся, видит — день совсем кончается. Недолго бывает он на этом далеком берегу. Чуть-чуть выглянет холодное солнышко из-за туманного края и снова опускается в этом же месте.

Сквозь разорванную мглу скользнул безжизненный луч, заиграл радужными мириадами искорок в снежинках, отразился во льду тороса¹⁾ и на мгновение

¹⁾ Торосы — ледяные глыбы, плавающие в полярных морях

бледно осветил глухо рокочущее льдистое море и бесприютный, одетый печальным саваном берег, и сотни разбросанных вдоль него человеческих фигур.

На заискрившихся сугробах темными пятнами выступили закоптелые, пропитанные дымом, промысловые избушки.

Снова зашумел ветер, набежал мглой и разом задернул погасавшее солнце. Безжизненные, унылые сумерки разлились над морем.

III

Ледяные поля надвинулись на самый берег. Гул пошел, шипение, шорох, треск ломающихся глыб. Льдины с треском рассыпались в белую пыль, ползли на берег, громоздились причудливо. Тонкая ледяная пыль уносилась ветром. Вдоль берега ломаными очертаниями тяжело поднялись ледяные громады.

Только подошел лед к берегу, — несколько сот промышленников кинулись на него.

Сорока спустился на лед одним из первых. Прыгая со льдины на льдину,

скользя, проваливаясь по-пояс в наметанный ветром снег, он бежал вперед. Ледяные обломки с грохотом валились по его следам. Одна мысль, неотступная, напряженная, дрожащая, как струна: «Кабы напасть, поспеть!» Осколки льда брызгами летели из-под бафил. Ветер свистел в ушах и бил в лицо ледяными иглами, одевая бороду и усы пушистым инеем. А он ничего не замечал и бежал все вперед.

Берег неясными очертаниями потерялся во мгле. Он остановился на мгновение и, затаив дыхание, чутко насторожился. Кругом пусто: шумел ветер. Необозримая ледяная равнина пропадала в сумерках. Он пробежал версты две, стал уставать. «Не нападут... пропущу,—с отчаянием думал он,—а надо ворочаться, воды уйдут!»

При одной мысли, что он вернется с пустыми руками, по нем пробежала дрожь. Курная избушка, семья, дети... Он чутко приткнулся к льду ухом: откуда-то справа донеслись звуки, чрезвычайно похожие на детский плач. Мгновенно слетела усталость, он кинулся в ту сторону, перемахнул через темноту

щель и, обливаясь потом, наконец, различил в начинавшей быстро сгущаться мгле неясные темные глыбы.

Расположилась целая семья тюленей; громадные неуклюжие звери неподвижно лежали на льду. Заслышав человека, они всполошились и, опираясь на передние ласты¹⁾, высоко подняв уродливые головы, неуклюже поволокли тяжелое тело к расщелине, где темно колыхалась вода, где было спасенье.

Сорока изо-всех сил хватил палкою между глаз. Зверь припал головою ко льду; в воздухе свистнул багор, железное острие до самого крючка вбежало в переносицу. Капли горячей крови брызнули в лицо, и громадный зверь, которого в другое место и пуля не берет, неподвижно вытянулся на льду. Меткими ударами Сорока положил остальных.

Привычной, слегка дрожавшей от волнения и усталости, рукой быстро снимал он с убитых зверей шкуры и толстый слой сала. Снимает Сорока шкуры, спешит, а сам прикидывает, сколько выручит.

¹⁾ Ласты — лапы тюленей

Заслышав человека, тюлени всполошились...

Весело и легко стало, и сам себе ухмыляется в бороду. Если каждый раз будет так удачно, сразу хозяйство станет на ноги.

А время не ждет, бежит, того и гляди начнется отлив. Заспешил он, схватил кожи и сало, скатал все в большой юрок, прикрутил ременной лямкой, накинул на плечо и поволок по льду. Трудно тащить по неровной, изрытой поверхности шесть-семь пудов.

Ночь темная, глухая. Холодная мгла ползла со всех сторон, все гуще заволакивала пустынную равнину, над которой бежал ветер, шумел в ледяных глыбах.

Сорока шел наугад, руководясь ветром и неуловимыми для непривычного человека и лишь знакомыми поморам приметами. Он напряженно всматривался в окружающий мрак, постукивая иногда перед собою багром. Пот градом катился, но он не чувствовал усталости, — не с пустыми руками ворочается, только бы добраться.

— Ежели ветер постоит этак с моря денька три-четыре да нажмет льды к берегу. Ну-у!..

И опять весело и легко стало Сороке.

— Ну хорошо, — продолжал он рассуждать, — теперича у кого животину купить? — у Миколая кобылу, али у Прохора мерина? Сказывают, у Миколая на ноги тронута. Нет, уж возьму у Прохора, да и мерин лучше в извозе.

Заняться извозом было для Сороки всегдашней мечтой, только никак не мог он сбиться купить лошадь, и хоть ясно было, что вся теперешняя Сорокина добыча уйдет к Вороне за покрутчину и за долги, но казалось, что все-таки как-то так случится, что и ему, Сороке, останется на мерина. Стал думать Сорока о мерине, об извозе, о зимней дороге.

Бежавшие вереницей картины оборвались. Он остановился, промерзшей рукавицей отер катившийся с лица пот.

— Чтой-то берегу все нету?

Глухая ночь мрачно глядела на него. Его кольнуло.

— Ох, не запоздать бы... давно уже с берегу, — время!

Перекинул лямку на другое плечо и еще быстрее поволок юрок. Назойливо сверлит мысль: опоздал, пойдет отлив, его унесет в море. Налегает Сорока на

туго натянувшуюся лямку, надрывается, чувствует — упустил время. Колени подгибаются. Спотыкаться стал. Впереди сквозь мрак как-будто мигнули разрозненные огоньки. Неужто берег близко?

Наваливается Сорока из последних сил. Трудно дышать, в висках стучит, пересохшее горло воздух холодный жжет. Хочется остановиться, хоть на минутку, но он делает усилие и, перехватив на ходу холодного снега, сильнее наваливается...

Водворилась странная тишина, — лед перестал нажимать на берег, начинался отлив.

Бросить кожи — успею добежать! — мелькнуло у него.

Но он не бросил, а сделав страшное усилие, волоча кожу, побежал...

IV

Занесенная глубоким снегом, печально чернеет промысловая избушка. Из отверстия в снегу всплывают клубы дыма и, подхватываемые ветром, быстро уносятся.

Внутри избушки темно. Огонек разложен в углу на груде камней, освещает

36598
10558
неверным, колеблющимся красноватым отблеском черные бревенчатые стены без окон, закоптелую плоскую крышу, махровую бахрому нагорелой сажки и грязные нары вдоль стен. В воздухе слоями висит едкий дым. На нарах — дюжие фигуры промышленников. Их набилось человек двадцать. Это один из отрядов той промысловой армии в несколько сот человек, которую ежегодно высылают к безлюдному берегу Белого моря нужда.

Медленно и скучно тянется время. Злую шутку сыграло родное море: в несколько часов побелело оно льдами, не мало добычи принесло к берегам, — да во время отлива набежала непогода, расколола и изломала льды и безобразными грудками раскидала на сотни верст. Приходится коротать долгие полярные ночи, серые зимние дни, а единственное развлечение — табак и песня — безусловно изгнано.

— Море чистоту любит, — говорят промышленники, — а то ежели с табаком да с песней, да с сквернословием, так и не вынешь ничего: вдруг ветер падет с берегу и всю кожу отобьет, да и тебя

вглубь вынесет.

672990

— 17 —

Российская государственная
На льдине. — 2
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Детская библиотека

В углу, вокруг красноватого костра, клубившего смолистый пахучий дым, сидят и лежат промышленники. Они коротают тоскливое время, слушая сказки и бывальщины.

— То-ись сколько допреж того народу жило в этих скитах!—степенно, медленно ведет свой рассказ старик-промышленник.—За веру старую стояли. Изо-всех стран России сюда стекались, ну и книги с собой всякие несли. Вот и в этом скиту, што на Кулае, есть такая старинная книга, «Миротворный Круг» называется,—одна книга на всем свете. До сей поры никто не мог разобрать, что к чему в ней писано. Одначе, сыскался человек, который, стало быть, разобрал эту самую книгу. И кто же, вы думаете, сыскался? А вот хромой Игнатка из Щельи. Служил он в писарях-от, да не годился, прогнали, пьяным дюже был. Ну, приходит в скит, просится, потому есть нечего. Те не берут: «Куда ты нам, говорят, лишний рот, хромой—ни на какое дело тебя не направишь. Ступай себе!» Ну, он плачет:—«С голоду-от, говорит, помираю, а вы не оставьте, бла-

годетели: я хромой, а разумению, иначе, сподобился: всякие книги, например, могу толковать, и священные и житейские, а особливо душеспасительные, и великую правду дано мне познавать. Дайте,—говорит,—какую ни на есть книгу». Принесли, стало быть, те ему книгу, этот самый «Миротворный Круг», который они сколько времени читали и не могли никак уразуметь, про што там писано. Взял Игнатка эту самую книгу и зачал читать. И как же читал он,—уму удивленье! Читает, этта, он, а ничего у него не поймешь: Ну перевернул, значит, этак листик другой, закрыл книгу. Те и спрашивают: «Што же, молодец, теперь в ней написано?» — «А сейчас, говорит, вам объяснение полностью представлю. Сказано говорит, откровением в этой книге и как начало веку пошло, и как идет, и как будет итти, и где будут последние кровопролития и войны перед самым концом света». И так, этта, все им рассказал, што к чему, так понятно да ясно, словно по ниточке разобрал. Ухватились за него старцы: «Золотые,—говорят,—у тебя уста, дорогой ты у нас человек

будешь». И остался Игнат. И с тех пор ежегодно много народу приходит в этот скит, и читают им «Миротворный Круг». И богатеющий скит стал на всю округу, потому несут всякого добра приходящие.

— А откеда же знают, што в действительности в «Миротворном Кругу» это самое сказано? — заметил молоденький безусый паренек.

Рассказчик презрительно помолчал, потом, сплюнув на сторону, пренебрежительно спросил:

— А ты откедова будешь?

— Я-то? — А из Нижи.

— То-то вот из Нижи! — ядовито кинул тот.

Все засмеялись. Паренек конфузливо отошел.

В избушке душно и дымно. Воздух тяжелый и густой. За стенами гулко пронесся короткий удар: мороз разорвал вековое дерево.

— Д-да, вот оно што значит. В пи-саря не годился, а какой премудрости сподобился! — степенно заметил почтенный с бородой старик. — Да еще пьяница.

— Ну, а где же, этта, последние-то кровопролития произойдут? — полюбопытствовал рослый парень, все время внимательно слушавший рассказчика.

— А прописано там, што будут эти кровопролития в нашей земле, при царе Кистиньтине, и будут они в эфтих самых местах у Белого моря; и когда придет последний час, и из окиана придут льды, и восстанет сила...

В это время снаружи захрустел снег под тяжелыми шагами. Дверь распахнулась; ворвавшийся ветер колыхнул красноватое пламя и за клубился морозом и дымом. Вошел мужик в совике. Мохнатое инеем лицо, точно поросшее белым мохом, угрюмо выглядело из мехового башлыка.

— Сороки нетути, — проговорил он низким голосом, — унесло!..

Все разом смолкли. И у каждого мелькнуло в голове: холодный простор, льды да звездное небо, а во льду человек бьется и стынет.

— Што же сидите? — сурово проговорил старик-рассказчик. — Ступайте к карбасу¹⁾.

1) Карбас — узкое, небольшое гребное судно

Человек восемь поспешно стали одевать меховые рубахи.

Старик вышел и поглядел на море. Оно морозно-шумящим простором уходило в ночную даль. Недвижно дремал старый заиндевевший лес. Вдоль берега, как исполины на-страже, молча подымались ледяные утесы.

Через минуту небольшой карбас отчалил и быстро пошел от берега, обледенная от вздымавших его волн.

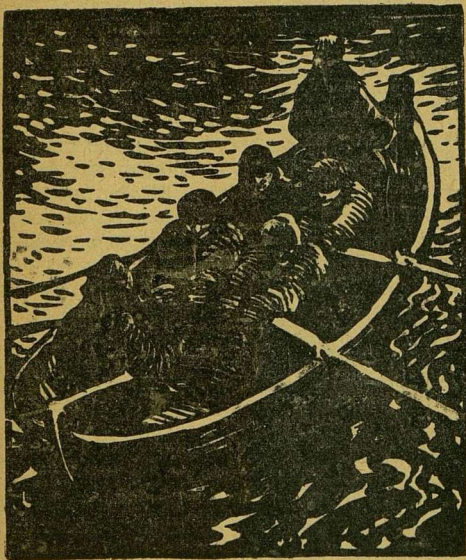
V

Волны несли изломанные, рассеянные остатки ледяных полей, словно разбитые обломки гигантского корабля. Тучи поспешно сбегали с синего свода, униженного холодно мерцавшими звездами. Долгая северная ночь раскинулась над глухо рокотавшим морем, которое все еще сердилось от недавней бури.

На одной из льдин смутно выделялся темный силуэт высокой фигуры.

Это был Сорока.

Он искусно работал багром, и гибкий шест бурлил и пенил холодную

Небольшой карбас быстро пошел от берега

воду. Неуклюжая глыба тихо подвигалась.

Сорока поднял голову: вверху сквозь тонкий пар морозной ночи блестел золотой крючок Медведицы; по нем держать путь. Сорока наваливается на багор, толкает вперед тяжелую льдину, а в голове несвязно: в море вынесло далеко, мороз лютый, другие сутки ничего во рту не было. Налегает Сорока на багор, слышит — слабеть стал. Приостановился на минутку, снегу перехватил, огляделся — водная успокоившаяся пустыня в голубоватом полусумраке тянулась без конца.

Сбежали последние серебряные тучки, и морозное небо заискрилось. Море улеглось в необъятную гладь.

Чует Сорока — не кончить добром. Работает, старается согреться работой, а в голове смутной вереницей бегут смутные думы. «Вынеси... ребята малые, несмысленные... не подымут силу... кому надоть?» Лезет в голову все одно и то же: напромышлял он промыслу, поправился бы теперь, и Вороне отдал бы половинную часть, да вот вернется ли? Вспомнил избушку, темную, дымную.

Придет бывало с промыслов Сорока и распарит, и согреет свое грешное тело. Вспомнил, как еще мальчиком ходил с отцом на промысел. Кругом шумел морской прибой и ходили ледяные горы... Тропки на болотах вспомнил, птицу пернатую, зверя лесного, что ловил. Бедность свою вспомнил, и как подумал обо всем Сорока, горько стало ему. Налег на багор и мысленно окинул пространство, что надо пройти: «Ох, не добраться!» И опять стало жалко себя. Неужели же так-таки и пропадать?

И не верится. Много годов хаживал он на море. По неделям, по месяцам приходилось жить. Кругом море, льды да небо. Бывало, далеко уносило, без хлеба, без огня, без помощи, на-волос от смерти бывал, а выносило же.

Далеко внизу бесшумно пронеслась белесоватая дымка, словно легкая тень бесплотного духа. На горевшем своде проносилось такое же дымчатое облачко, и морозное небо искрилось сквозь его тонкое тело, а из-за горизонта зловеще подымалась тьма: разгорался сполох¹⁾).

1) Сполох — северное сияние

Из последних сил бьется Сорока, слабее гнется длинный шест; занемели руки, стынут ноги, клонит отяжелевшую голову. Хочется ему, хоть на минутку, присесть, да хорошо знает, зорко следит белый мороз, и только останешься без движения, как он обоймет, повеет, проникнет насквозь холодным дыханием. Борется Сорока с дремой и уж не думает: мысли спутались, оборвались и неясно проносились расплывчатыми обрывками, точно по ветру клочья безжизненного тумана. Понял Сорока — не жить ему. Опять вспыхнули в холодеющем мозгу далекие родные картины. Нет, никто не поможет, не услышит, один он в мертво-застывающем море. И закричал он дико:

— Братцы, пропадаю... отцы родные!..

Сполох все разгорался. С одной стороны небо ярко горело и переливалось фосфорической игрой, с другой — потухли все звезды, зловещая мгла мрачно глядела, охватив полнебосклона. Словно из гигантского жерла вылетал оттуда белый клуб дыма и, расстилаясь тонкой пеленой, быстро проносился по небу, сквозя яркими звездами и потухая в зените. И каждый

раз, как вспыхивала эта дымчатая пелена, казалось, вот-вот раздастся оглушительный удар и дрогнет заснувшее море. Но в недвижном ночном воздухе царила всё та же немая тишина. Только на небе вспыхивали колеблющиеся огнистые полосы и быстро проносились, играя цветами радуги.

Приятное наплывающее состояние отдыха и покоя овладевало Сорокой. Он не думал о том, что сидел на корточках. «Вишь мороз-от мёне стал». Дрема туманила забытьем голову. Смутное, неясное, давно забытое всплывало несвязными обрывками в круговороте и опять потухало.

Стала представляться глухая ночь в глухой тундре. Во мраке носился ураган, и его бешеный гул, как похоронный звон, уныло звучал над одинокой юртой, погребенной под снежным заносом. К самой юрте жались олени. А в юрте сидит он, Сорока, самоед и его семья. Сидит Сорока на куче оленьих шкур, боченок в руках держит и ведет торг: покупает у самоедов оленей. Не продают, — без оленя в тундре издохнешь. Поднес Сорока самоеду стаканчик, — повеселел тот;

поднес другой, — стал самоед сговорчивее; поднес третий, — запел самоед. Пел он обо всем, что было перед глазами. Стал пить водку и запел: «Ах, водка, хорошая водка!» В костер дров подкинули, он запел: «Ах, огонь, горячий огонь!» Залаяла собачонка, он пел: «Ах, собака, белая собака!» Щемящей тоской теперь веяло на Сороку от этой давнишней песни.

Напоил Сорока самоеда до-пьяна, напоил и самоедку, купил у них ни за грош всех оленей. Утром улеглась буря. Он согнал оленей, только оставил самоеду трех, чтобы не пропал совсем. Уехал Сорока, а самоед остался в тундре. И теперь Сорока никак не может отвязаться от этого самоеда: смотрит он на него сквозь узенькие щелочки посоловелыми от водки глазами и не то поет, не то плачет:—«Олешки, олешки... ах, олешки»... Хочет забыть об этом Сорока, мутится у него в голове, мысли мешаются, хочет отвязаться от этих мыслей и отдаться туманящей голову дремоте.

Он вздрогнул. Раздался гулкий, протяжный удар, точно тяжелый артиллерийский

Дрема туманила забытьем голову

залп. Где-то далеко расселась ледяная громада, сжатая морозом. Отраженное дальними льдами упругое эхо с рокотом покатилося по водной глади.

На мгновение он как бы очнулся. К удивлению, он никак не мог открыть глаз: они точно слиплись. И, как далекая зарница в глухую полночь, мелькнуло смутное сознание опасности. В воздухе опять повисла мертвая тишина, и прежнее оцепенелое состояние овладело. Надоело усиливаться поднять свои отяжелевшие веки, да и без того стало видно. Опять дрема туманила голову, и неясные грезы, точно легкие тени в лунную ночь, бежали смутной вереницей. Чудилось, ожило мертвое море и тихо дышало бесконечным простором, и тонкий пар его дыхания подымался к далеким звездам, а в его недрах совершалось неведомое. Казалось, весь мир замолк, и та прежняя жизнь потухла, затаилась в этой загадочной пустоте, наполненной биением какой-то другой незримой жизни. Чудилось, неслышно веет тихий ветер и звучит смутный, едва уловимый звон, и легкий туман колеблется над морем.

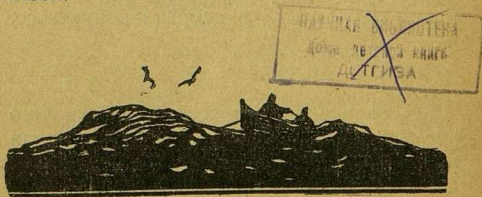
И сквозь туман видит Сорока, прямо на него, разрезая спокойные воды, бежит карбас, опрокинувшись темным изображением в водную гладь, а за ним, далеко разбегаясь, фосфорическим блеском змеятся две светлые волны. Сорока хочет подать голос и не может. Карбас с разбега толкнулся о ледяную глыбу. Она вздрогнула, зашаталась и взволновала вокруг себя спокойную поверхность: расходясь, побежали серебристые круги. Отраженные звезды задрожали, запрыгали, исчезли. Только-что показавшийся месяц уродливо вытянулся, заколебался и лег длинной серебристой полосой до самого горизонта.

Сорока незаметно для себя очутился в лодке. Весла всплеснули, и одинокая льдина потонула в морозной дали. А над морем тихо спустился сумрак и покрыл все.

.
.

Сияя величавой красотой Севера, тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь, морозно затканная тонким искристым туманом. А над нею, сверкая при-

чудливыми переливами фосфорической игры, разметалась звездная ткань, смешивая золотистое сияние с серебристой дымкой мороза и уронив в темную пучину недвижно повисшие яркие звезды. С вышины задумчиво льет голубоватое сияние побледневшее светило, светлым диском отраженное в холодной глубине и увенчанное радужным ореолом мороза. Мертвая тишина неподвижно повисла над застывшим морем, и чудился в этой сверкающей переливчатой игрой красоте безжизненный холод вечной смерти. Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь, подернувшуюся уже тонким льдистым слоем, и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру, опущенную белым иглистым инеем.

361
B

m

ЦЕНА 8 коп.

80 =

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. Ф. МИРИМАНОВА

Москва, Пречистенский бульвар, д. № 7

Телефон № 3-33-04.